

Александра

Яремюк

Зужая Запретная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Яремюк

Чужая. Запретная

<https://litres.ru/74122844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда четко знал свою цену и цену чужих жизней. Я берусь за работу, когда полиция бессильна, а у больших людей сдают нервы. Мне заплатили за то, чтобы я зачистил территорию вокруг Лилы Вертинской. Убрал тень, которая ходит за ней по пятам, и довел девчонку до алтаря, где её ждет правильный, статусный жених.

Она — нежная, невинная, из тех фарфоровых куколок, которых я привык ломать, даже не замечая. Между нами десять лет пропасти, разный статус и тонна чужой лжи. Ей кажется, что я её спаситель. Она смотрит на меня своими огромными, доверчивыми глазами и отдает мне всю себя — до последней капли. Глупая. В моем мире не любят. В моем мире берут, пользуются и выкидывают. Я выполняю свою работу. Я избавляю её от психа, заберу её чистоту и заставлю выйти замуж за другого. Она возненавидит меня, и это будет единственным способом сохранить ей жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александра Яремюк

Чужая. Запретная

Глава 1

Зачет по истории искусств девятнадцатого века тянулся целую вечность. В аудитории стояла невыносимая духота. Наверное, перед сильной грозой всегда так — воздух становится липким, тяжелым, а старый паркет и крашенные парты начинают пахнуть как-то по-особенному, вьедливо. Я сдала свою работу одной из первых, но привычного облегчения не почувствовала. Внутри, где-то между ребрами, тугим узлом завязалось паршивое, липкое предчувствие. Оно преследовало меня весь последний месяц. Такое глупое ощущение, будто тебе в затылок кто-то пристально смотрит, даже если ты сидишь спиной к кирпичной стене и сзади никого быть не может.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь и вышла на крыльцо университета. Майское солнце сразу ударило по глазам, заставив зажмуриться. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь прогнать эту дурацкую внутреннюю дрожь.

— Ну что, Вертинская, опять «отлично»? — Кирилл лениво оттолкнулся плечом от массивной колонны и щелкнул зажигалкой.

От него, как обычно, за версту несло ментоловым табаком и дорогим парфюмом. Сын прокурора города, мажор до мозга костей, привыкший, что девчонки сами выстраиваются в очередь, чтобы прокатиться на его новой белоснежной «бэхе». Весь прошлый курс Кирилл упрямо подбивал ко мне клинья, пока отец доходчиво не объяснил его папе, что я — территория закрытая. Кир намек понял сразу. С тех пор все его подкаты сошли на нет, сменившись ленивым, почти дружеским стебом.

— Кто бы сомневался, — Кирилл выпустил струю дыма в сторону. — Тебе вообще можно на пары не ходить. Автомат за красивую фамилию и кукольное личико.

— Завидуй молча, Кир, — Яна выплыла из дверей следом за мной, на ходу натягивая на пол-лица огромные солнцезащитные очки. Её идеально прямые, выбеленные до платины волосы сразу растрепал легкий ветер. — Лилка, в отличие от тебя, билеты наизусть учила, пока ты вчера в клубе чужие депозиты закрывал. Привет, родная.

Яна без церемоний выхватила у Кирилла сигарету, сделала одну затяжку и тут же брезгливо поморщилась, возвращая её обратно. Потом повернулась ко мне и внимательно вгляделась в мое лицо.

— Чего бледная такая? Опять твой будущий муж всю ночь графики доходности своих филиалов показывал?

— Вадим в командировке, в Женеве, — я тихо вздохнула, поправляя лямку сумки на плече.

Мне безумно не хотелось говорить о Вадиме. Вообще. Последние недели любые разговоры о предстоящей свадьбе вызвали у меня глухую, подступающую к горлу тошноту. Вадим Левицкий был безупречным. Настолько идеальным, холемым и правильным, что его хотелось поставить в сервант за стекло и никогда не трогать. Белозубая улыбка, дорогие костюмы-тройки, сшитые строго по фигуре, правильные манеры. Мой отец был в абсолютном восторге от этого союза. Строительная империя Вертинского и банковские активы Левицких — идеальный брак по расчету, где мое собственное мнение шло где-то в самом конце договора, мелким нечитаемым шрифтом.

— Ой, да ладно вам, — Маша, наша староста, протиснулась мимо нас по ступенькам вниз, на ходу запихивая зачетку в потрепанный рюкзак. Лицо у неё было недовольное, злое. — Нашли из-за чего страдать. Зато у Вертинской проблемы вселенского масштаба — какую площадку для банкета выбрать и сколько ярусов будет в торте. Нам бы твою жизнь, Лила.

Я промолчала. Объяснять Маше, что все площадки и торты выбирает моя мать, заиклившаяся на мнении светского общества, а меня просто привезут туда в белом платье как дорогую фарфоровую вазу, было бесполезно. Да и не это меня сейчас по-настоящему пугало.

Я перевела взгляд на парковку у ворот университета. Черный представительский «Мерседес» моего отца уже стоял

там, поблескивая чистыми боками. Около задней двери прохаживался Денис — мой личный телохранитель. Симпатичный, крепкий парень двадцати пяти лет, бывший спортсмен. Отец приставил его ко мне год назад. Денис всегда держался подчеркнуто вежливо, профессионально, но в последнее время я всё чаще ловила на себе его взгляд в зеркале заднего вида. Слишком долгий. Слишком тяжелый и отчаянный для простого наемного работника. Мне было искренне жаль его — Денис явно придумал себе какую-то сказку, которой никогда не суждено сбыться в реальности. Между дочерью строительного магната и обычным охранником лежала бетонная стена.

— Ладно, погнали, — Яна потянула меня за рукав светлого кардигана. — Ты обещала заскочить со мной в кондитерскую, я после этого зачета готова съесть килограмм шоколада.

Мы спустились по каменной лестнице и подошли к машине. Денис мгновенно выпрямился, сделал шаг навстречу и открыл передо мной заднюю дверь.

— Добрый день, Лилия Викторовна. Яна Дмитриевна, — голос у него был ровным, но я заметила, как сильно побелели костяшки его пальцев, сжимавших ручку двери. Он смотрел на меня так, словно я могла растаять от одного его неосторожного движения.

— Привет, Дэн. Трогай быстрее, мы голодные как волки, — Яна привычно запрыгнула на кожаное сиденье первой.

Я уже занесла ногу, чтобы сесть следом, как вдруг мой взгляд намертво зацепился за лобовое стекло автомобиля. Прямо под правым дворником лежал прямоугольный белый конверт. Совершенно чистый. Без почтовых марок, без обратного адреса. Только мое имя на лицевой стороне, выведенное кривыми, рваными, размашистыми буквами от руки: «*Лиле*».

Внутри меня всё мгновенно сковал ледяной холод. Воздух застрял в легких.

Это был уже четвертый раз за месяц. Всё началось с огромных букетов белых лилий без каких-либо записок, которые курьер приносил прямо к дверям моей квартиры рано утром. Потом была дурацкая плюшевая игрушка, оставленная на скамейке в парке, где я обычно гуляла по вечерам. А неделю назад на мой личный телефон, номер которого знали всего несколько человек, пришло ммс с незнакомого номера. На снимке была изображена я — со спины, в тот момент, когда сидела в летнем кафе с Яной. Подпись внизу гласила: «*Ты слишком красивая, когда грустишь. Скоро мы будем вместе*».

Денис проследил за моим застывшим взглядом, увидел конверт и мгновенно изменился в лице. Желваки на его челюсти заходили ходуном, а глаза потемнели от злости. Он резко, почти грубо шагнул к капоту, сорвал бумагу со стекла и спрятал её во внутренний карман своей куртки, явно надеясь, что я ничего не успела разглядеть.

— Что там такое, Дэн? — Яна высунулась из салона машины, недовольно нахмутив брови. — Опять этот придурок?

— Ничего важного. Обычная спам-реклама, под дворники суют всем подряд, — глухо, слишком поспешно соврал Денис. Он обошел машину и открыл водительскую дверь. — Садитесь в салон, пожалуйста. Здесь не стоит задерживаться.

Я села на заднее сиденье, чувствуя, как мелкая, противная дрожь начинает бить кончики пальцев. Я ведь прекрасно понимала, что Денис врет. И знала, что лежит внутри этого белого конверта. Там наверняка была моя очередная фотография, сделанная исподтишка. Кто-то ходил за мной по пятам. Этот человек знал мое расписание, мои маршруты, мои привычки. Самое страшное — он оставался абсолютно невидимым для Дениса и всей службы безопасности моего отца.

Кто-то чужой, опасный и ненормальный уже пробрался в мою закрытую жизнь и медленно, уверенно сжимал кольцо вокруг меня.

Машина мягко тронулась с места, шурша шинами по влажному после дождя асфальту. Я смотрела в окно на мелькающие серые здания города и понимала: мой сытый, безопасный и такой понятный мир только что дал огромную, необратимую трещину. И этот конверт — лишь начало чего-то очень темного.

Глава 2

Всю дорогу до дома мы ехали в гробовом молчании. Яна, обычно трещащая без умолку о шмотках, парнях и новых сплетнях, в этот раз тоже притихла. Она то и дело косилась на меня, открывала рот, чтобы что-то сказать, но в итоге просто тяжело вздыхала и отворачивалась к окну. Музыка в салоне не играла — Денис выключил магнитола сразу, как мы тронулись. В зеркале заднего вида я видела его напряженные, застывшие глаза. Натянутый как струна, он то и дело бросал короткие, рваные взгляды по сторонам, высматривая в потоке машин потенциальный хвост.

Меня тошнило. Реально, физически тошнило от этого глухого, давящего чувства беспомощности. Какая-то тварь превратила мою жизнь в шоу «за стеклом», а я даже не знаю имени этого зрителя.

Мы остановились у кондитерской. Яна, как и обещала, набрала целую коробку пирожных, но аппетит пропал у обеих. Мы просто сидели за угловым столиком, ковыряя вилками шоколадный фондан, который на вкус сейчас казался мне куском картона.

— Лил, — Яна наконец не выдержала, отложила десерт

в сторону и накрыла мою ладонь своей теплой рукой. — Это уже не смешно. Надо всё рассказать твоему отцу. Прямо сегодня. Денис, конечно, хороший парень, но он обычный водила-охранник, а тут какой-то профессиональный маньяк нарисовался. Конверты на лобовуху вешать прямо у универа — это уже край. Это вызов, понимаешь?

— Я знаю, Янь, — я устало потерла виски, чувствуя, как внутри черепной коробки начинает разгораться тупая, пульсирующая боль. — Отец устроит разнос. Он Дэнчика просто уничтожит, с потрохами сожрет и выкинет с волчьим билетом.

— Да плевать на Дэнчика, когда речь идет о твоей безопасности! — Яна понизила голос до шипения, подавшись вперед. — Твой Вертинский — олигарх, у него связей выше крыши. Он на уши всю полицию города поставит. Пусть этот ублюдок, который за тобой ходит, обосрётся от страха, а не ты.

Я ничего не ответила. Спорить с Яной было бесполезно, да и она была абсолютно права. Моя жизнь давно не принадлежала мне, она была частью огромного бизнес-плана Виктора Вертинского. И если этот план кто-то пытался нарушить, отец ровнял виновных с землей.

Домой меня привезли ближе к пяти вечера. Наш загородный дом в элитном поселке встретил меня привычной, идеальной и до ужаса холодной тишиной. Огромный трехэтажный особняк из темного кирпича и стекла, окруженный вековыми соснами и высоким забором с камерами через каждый метр. Моя личная крепость. Моя персональная тюрьма.

Когда «Мерседес» затормозил у парадного входа, Денис не спешил открывать мне дверь. Он заглушил мотор, несколько секунд просто сидел, положив руки на руль, а потом медленно повернулся ко мне. Лицо у него было серое, осунувшееся.

— Лилия Викторовна, — тихо, с какой-то обреченностью в голосе произнес он. — Пожалуйста. Не говорите Виктору Игоревичу про письмо. Я сам во всём разберусь, клянусь вам. Я найду эту гниду. Дайте мне еще пару дней. Если отец узнает... мне конец. Вы же знаете его характер.

Я посмотрела в его преданные, полные скрытого отчаяния глаза. В этот момент мне стало его безумно, до слез жалко. Он ведь действительно старался. Он проверял машину, ходил за мной хвостом по коридорам университета, караулил у дома. Но сталкер был хитрее.

— Дэн, он всё равно узнает, — мягко сказала я, качнув го-

ловой. — Он проверяет отчеты безопасности каждую неделю. И если он узнает не от нас, будет только хуже. Покажи мне, что в конверте.

Денис сглотнул, желваки снова заходили под кожей. Он нехотя полез во внутренний карман, достал злосчастный кусок белой бумаги и протянул мне. Пальцы у него заметно дрожали.

Я вскрыла конверт. Внутри, как я и думала, была фотография. Свежая. Сделанная сегодня утром, когда я только подходила к дверям университета. На снимке я улыбалась, что-то отвечая Кирилу. Мое лицо было обведено жирным красным маркером. А на обратной стороне аккуратным, почти каллиграфическим почерком было написано: «Осталось две недели, моя маленькая Лила. Скоро ты снимешь это обручальное кольцо. Оно тебе не идет».

У меня перехватило дыхание. Две недели. Ровно через две недели должна была состояться моя свадьба с Вадимом. Этот псих знал всё. Он вел обратный отсчет.

— Лилия? Ты уже вернулась? — громовой, глубокий голос отца раздался со стороны крыльца.

Я вздрогнула, едва не выронив снимок. Виктор Вертин-

ский стоял на ступенях своего особняка, заложив руки в карманы дорогих брюк. Строгий, массивный, с проседью в аккуратно подстриженных волосах и тяжелым, оценивающим взглядом человека, который привык управлять тысячами людей. Рядом с ним стояла мама — как всегда безупречная, в светлом брючном костюме, с идеальной укладкой и холодным выражением лица.

Денис мгновенно выскочил из машины, открывая мне дверь. Я спрятала фотографию в сумку, судорожно сжав ремешок, и вышла на улицу.

— Да, пап, зачет сдала, — постаралась улыбнуться я, но голос предательски дрогнул.

Отец не ответил на мою улыбку. Он проигнорировал мои слова, его взгляд сразу переместился на Дениса. Воздух между ними словно наэлектризовался.

— Денис, зайди ко мне в кабинет. Прямо сейчас, — ледяным тоном скомандовал отец. — А ты, Лила, иди к себе. Нам нужно поговорить. К нам едет человек, который теперь будет заниматься твоей безопасностью.

Внутри у меня всё оборвалось. Денис побледнел так, что стал похож на мертвеца. Отец обо всём знал. И, кажется,

приговор моему охраннику уже был вынесен.

Глава 3

Я сидела на самом краю огромного кожаного кресла в кабинете отца и чувствовала себя так, словно меня привели на казнь. В этой комнате всегда пахло одинаково — дорогим табаком, старыми книгами в кожаных переплетах и тяжелым, удушающим коньяком.

Мама стояла у панорамного окна, равнодушно рассматривая ухоженный газон за стеклом.

Она даже не повернулась, когда я вошла. Для неё весь этот инцидент со слезкой и письмами был скорее досадной помехой перед «свадьбой сезона», чем реальной угрозой моей жизни.

Её больше волновало, не поползут ли слухи среди подруг по гольф-клубу и не испортит ли это репутацию семьи перед Левицкими.

— Ты дура, Лила, — отец не кричал. Он говорил тихо, но от этого его тона волоски на руках вставали дыбом. Он мерил кабинет шагами, заложив руки за спину. — Месяц. Месяц за тобой ходит какой-то больной ублюдок, а ты молчишь. Твой этот... Дэнчик... — папа выплюнул имя моего охран-

ника с таким омерзением, будто наступил в грязь, — сегодня на коленях у меня здесь ползал. Клялся, что всё исправит. Придурок. Он спам от реальной угрозы отличить не может.

— Пап, Денис не виноват, он правда старался... — попыталась вставить я, но отец резко вскинул руку, заставляя меня заткнуться.

— Замолчи. Твоего Дениса я уволил пять минут назад. Без выходного пособия и с такими рекомендациями, что его теперь даже в общественный туалет сторожем не возьмут. Скажи спасибо, что я не закопал его за забором за такую «работу». Конверты ему на лобовое стекло вешают, а он соплюет!

У меня к горлу подступил горький, удушливый комок. Было невыносимо, до слез жалко Дэна. Из-за меня, из-за моей дурацкой скрытности и страха перед отцом парень потерял работу, которая кормила его семью.

— Витенька, не кипятись, — подала голос мама, изящно повернув голову. — Твой человек уже приехал? Скоро шесть, у меня примерка платья через два часа, я бы хотела закончить с этим.

— Приехал, — отец остановился у своего массивного ду-

бового стола и нажал кнопку селектора. — Лида, запусти Корсака.

Дверь кабинета открылась без единого звука. В комнату не вошли — туда буквально ввалилась глухая, первобытная угроза.

Я непроизвольно вжалась в спинку кресла, и у меня перехватило дыхание.

Дмитрий Корсак. Я никогда в жизни не видела таких мужчин. Он был огромным. Просто колоссальным, как скала из темного гранита. Под тридцать два года, с широченными плечами и бычьей, невероятно мускулистой шеей. На нем была простая, натянутая до предела черная футболка, под которой бугрилась гора жестких, тяжелых мышц. На его массивных бицепсах и предплечьях, уходя под воротник на шею, плотным ковром лежали качественные, угольно-черные татуировки — какие-то хищные узоры, ветви и символы. Короткая, жесткая стрижка с выбритыми висками подчеркивала тяжелую, квадратную челюсть и резкие, сведенные к переносице брови.

Он выглядел... зловеще. От него за километр веяло криминалом, огромными проблемами и абсолютной, неконтролируемой жестокостью. Он из тех людей, которые не разго-

варивают, а сразу ломают кости.

Отец, который обычно со всеми держался как царь и бог, сделал шаг навстречу Дмитрию и протянул руку для рукопожатия. Корсак ответил коротким, жестким кивком. Его ладонь, покрытая шрамами и татуировками, полностью поглотила руку моего отца.

— Дмитрий, спасибо, что приехал так быстро, — сказал папа. В его голосе впервые за день проскользнули нотки уважения и даже какой-то скрытой опаски. — Ситуация дерьмовая. Через две недели свадьба с Левицким-младшим, сливание активов. А тут какой-то сталкер путается под ногами. Девчонка запугана, охрана обосралась.

Корсак не ответил отцу. Он медленно повернул голову в мою сторону.

Его взгляд... Боже. У него были абсолютно темные, почти черные, пустые и ледяные глаза. В них не было ни капли человеческого тепла или сочувствия. Этот взгляд сканировал меня сверху вниз, как вещь. Он задержался на моих светло-русых волосах, оценил бледное кукольное лицо, скользнул по фигуре под кардиганом и остановился на моих глазах. От этого нечитаемого, грозного взгляда у меня внутри всё перевернулось. По спине пробежала волна колючего, дикого

страха.

— Это она? — голос Корсака оказался под стать его внешности. Низкий, хриплый, утробный бас, от которого, казалось, завибрировали стекла в кабинете.

— Да. Лила, — отец кивнул на меня. — С сегодняшнего дня Корсак контролирует каждый твой шаг. Поняла? Живет в гостевом домике, ездит с тобой везде. Никаких подружек без его ведома. Никаких шагов влево-вправо.

Я сглотнула, чувствуя, как ладони стали влажными. Посмотрела на маму, но та лишь безразлично уткнулась в свой телефон. Им было плевать, что они отдают меня под охрану настоящему чудовищу.

— Мне не нужен такой охранник, — тихо, но упрямо сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он выглядит как... как наемный убийца. Пап, я его боюсь.

Отец нахмурился, собираясь рывкнуть, но Дмитрий Корсак вдруг сделал шаг вперед. Медленно, бесшумно, несмотря на свои габариты. Он подошел к моему креслу и навис над мной всей своей громадной, татуированной массой, полностью перекрывая свет от окна. В нос ударил тяжелый запах табака, кожи и какого-то терпкого мужского парфюма.

Он наклонился чуть ниже, заставляя меня буквально вжаться в глубину сиденья. Его злобная, запугивающая мимика не изменилась ни на миллиметр.

— Твое мнение, девочка, меня интересует меньше всего, — прохрипел он прямо мне в лицо, и его темные глаза опасно сузились. — Твой отец платит мне огромные деньги не за то, чтобы я тебе нравился. А за то, чтобы ты дожила до своей свадьбы целой и невредимой. Поэтому с этой секунды ты будешь делать только то, что я скажу. Ротик будешь открывать с моего разрешения. Вопросы есть?

Я смотрела в его жестокое лицо и понимала, что не могу вымолвить ни слова. Горло просто пережало от ужаса.

Мой казалось безопасный мир не просто дал трещину. В него только что ворвался человек, который переломает меня пополам и даже не заметит.

Глава 4

Деньги Виктора Вертинского пахли точно так же, как и любые другие большие деньги в этом городе — кровью, чужим потом и дешёвым пафосом. Сам строительный магнат сидел за своим огромным дубовым столом, пытаясь изображать хозяина вселенной, но я слишком хорошо знал изнанку этой шкуры.

Стоило какому-то невидимому ублюдку залезть в его личный огород и начать присылать письма его дочери, как вся спесь с олигарха слетела. Прибежал ко мне. Потому что официальные структуры в таких делах работают слишком медленно, а у Вертинского на кону стояли миллиарды. Слияние с банком Левицких. Идеальный фасад, который нельзя было портить.

Девчонка была живым товаром. И об этом было известно всем.

Я молча слушал его высокопарный бред про «свадьбу сезона» и «недотёпу-водителя», которого он только что вышвырнул на улицу.

Мне было плевать на его бизнес. Мне было плевать на его

Левицких. Вертинский платил мне такую сумму, за которую можно было купить небольшую охранную фирму целиком вместе с потрохами.

Моя задача была простой, как выстрел в упор: зачистить периметр, вычислить сталкера, закрыть вопрос и довести девчонку до алтаря в целости и сохранности. Ровно две недели. Четырнадцать дней контроля.

А потом я повернулся и посмотрел на неё.

В кресле сидело то, что Вертинский гордо именовал своей дочерью. Лила.

Светло-русые, почти платиновые волосы падали на хрупкие плечи, бледная, фарфоровая кожа, огромные, испуганные глаза на пол-лица и абсолютно невинный, кукольный вид. Она выглядела так, будто её только что достали из коробки с дорогой шёлковой ватой. Ни одной царапины, ни одного синяка, полное отсутствие понимания того, как устроен этот грёбанный мир за пределами её элитного посёлка.

Ванильная дурочка. Из тех, кто думает, что жизнь — это роман с хорошим концом, а мужчины вокруг делятся на принцев и водителей.

Когда она попыталась открыть свой аккуратный маленький рот и заявить, что я выгляжу как «наёмный убийца» и она меня боится, внутри меня шевельнулось глухое раздражение. Избалованная маленькая сучка. Ей угрожает реальный психопат, который считает дни до её свадьбы, а она переживает из-за того, что новый охранник не подходит под интерьер её розовой спальни.

Я сделал два шага вперед, сокращая расстояние между нами до минимума. Мои ботинки тяжело впечатались в дорогой ковёр. Я навис над ней, сознательно используя своё физическое преимущество, чтобы раз и навсегда сломать любое сопротивление. Когда ты вешишь под сотню килограммов чистых мышц, а перед тобой сидит пятидесятикилограммовая кукла, это работает безотказно.

Она сжалась. Буквально вросла в кожу кресла, глядя на меня снизу вверх своими чистыми, доверчивыми глазами, в которых сейчас плескался первобытный, чистый ужас. От неё пахло чем-то сладким, наивным — ванилью и весенними цветами. Этот запах на секунду ударил в нос, контрастируя с застоявшимся в кабинете ароматом моего табака и виски.

Нужно было приземлить ее.

— Твое мнение, девочка, меня интересует меньше всего,

— я намеренно опустил голос до хриплого, давящего баса, глядя прямо в её испуганное лицо. — Твой отец платит мне огромные деньги не за то, чтобы я тебе нравился. А за то, чтобы ты дожила до своей свадьбы целой и невредимой. Поэтому с этой секунды ты будешь делать только то, что я скажу. Ротик будешь открывать с моего разрешения. Вопросы есть?

Она промолчала. Губы у неё слегка задрожали, а на бледных щеках проступил едва заметный розовый румянец. Перепугалась насмерть. Отлично. Напуганная баба — это послушная баба. Мне не нужны были её капризы во время выездов в университет.

— Вопросов нет, — констатировал я, выпрямляясь в полный рост и отворачиваясь к Вертинскому. — Мне нужны все материалы по этому сталкеру. Письма, фотографии, распечатка звонков Лилы за последний месяц. Всё, что успел собрать ваш уволенный водила.

— Да-да, конечно, Дмитрий. Лида сейчас всё вынесет, — Вертинский суетливо закивал, явно довольный тем, как быстро я приструнил его наследницу.

Я бросил ещё один короткий взгляд на Лилу. Она всё так же сидела неподвижно, обхватив руками свою сумку, слов-

но щитом. Светлые волосы закрывали половину лица, но я видел, как бешено бьется жилка на её тонкой, беззащитной шее.

Две недели. Всего четырнадцать дней. Я заберу деньги её папаше, найду того ублюдка, который шлёт ей письма, и передам эту избалованную куклу её холеному банкиру. Чистой и нетронутой.

Это просто работа. Ничего личного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.